

Дневник эмигрантской жизни

Книги Бориса Поплавского появлялись в России словно бы в обратном порядке: книга прозы, сборник, который в собрании сочинений назвали бы "дополнительным", книга ранних стихов и писем... Все эти книги содержали интересные материалы, но для России, незнакомой с творчеством одного из самых замечательных поэтов первой эмиграции, являлись как бы оправой без камня. Лишь теперь, с выходом в свет "Стихотворений", можно сказать, что читателям наконец-то предоставлена возможность узнать и оценить творчество поэта по-настоящему. "Стихотворения" включают в себя первый (прижизненный) сборник "Флаги", а также книги, изданные после смерти Поплавского его другом Татищевым.

Читая книгу, испытываешь странное ощущение. Неравноценность стихов, небрежности (или лучше сказать — поспешности, недоработанности) так и бросаются в глаза... но это все словно бы прощается поэту, даже не то что прощается, а просто опускается как не заслуживающее особого внимания; может быть, об этом всем вспомнится потом, а пока — взгляд уходит дальше, к новой строке, к новому стихотворению, и ты все пытаешься понять тайну, заключенную в них.

Был страшный холод. Трескались деревья.
Снаружи сердце перестало биться.
Луна стояла на краю деревни,
Лучом пытаюсь обогреть темницы.
Все было тихо, фабрики стояли,
Трамваи шли, обледенев до мачты,
Лишь вдалеке, на страшном расстоянии
Дышал экспресс у черной водокачки.

Борис Поплавский. Стихотворения. Томск, "Водолей", 1997. 192 с. Тираж 1000 экз.

*Все было мне знакомо в темном доме,
Изобретатели трудились у воронок.
И спал, сраженный неземной истомой,
В гусарском кителе больной орленок.*

Это — рассказ о тайне. Это — словно бы говорящий нам голос из чужого сна. О чем он? Вероятно, этого не знал и сам Поплавский. Но чувство некой тайны, существующей в мире, чувство своей причастности (активной или чаще пассивной: последние две строки — это словно бы автопортрет одной из важных ипостасей поэта) к этой тайне составляет самую ткань стихов Бориса Поплавского.

Мережковский однажды сказал, что для оправдания эмиграции на любом суде достаточно творчества Поплавского. Несмотря на несомненную риторичность высказывания, оно является верным и точным. В эмиграции было много интересных поэтов. Но, скажем, Георгий Иванов, Ходасевич, Адамович уехали из России, будучи уже сложившимися поэтами. Они — представители Серебряного века или, говоря более широко, представители доэмигрантской русской литературы.

Борис Поплавский.

Эмиграция им только "поставила голос", ограничила талант. Поплавский принадлежит уже другому пласту; он как поэт родился в эмиграции. Его достоинства, его недостатки — это ее качества, и эмигрантская литература с полным правом может представить Поплавского как самого яркого своего представителя на любой суд. Произведения Поплавского — биография души эмигранта, человека, заброшенного в чужую страну со странным, волшебным, но почти бесполезным и ни к чему не приложимым даром писать стихи. И жизнь этого человека в мире — как постоянное качание весов: волшебство и бесполезность, прекрасная тайна мира и безобразная подчас его реальность — вот что лежит на чашечках этих весов.

Мир незабвенно сиял очарованный летом.

*Что-то ужасное выделось в этом сиянье.
Броситься наземь хотелось, забыть, замолчать.*

Стихи Поплавского — словно дневник, который эмиграция доверила написать ему. Теперь этот дневник вернулся на родину и предоставлен на суд российско-го читателя. Несомненно, что, читая "Стихотворения", мы лучше поймем души людей, потерявших родину, оценим их подвиг во имя русской культуры.

*...Станет ясно, что шутя, скрывая
Все умеем Богу боль прощать.
Жить. Молиться двери закрывая.
В бездне книги черные читать.*

*На пустых бульварах замерзая
Говорить о правде до рассвета,
Умирать живых благословляя
И писать до смерти без ответа.*

ВИКТОР ОБУХОВ

Москва

Русская тисель. - париж. - 1994. - 10-16 с. юж.
- с. 12.

Поплавский Борис

10.04.94.